

Известна история о том, как машинистка Томаса Манна, перепечатав рукопись "Былого Иакова", первой части тетралогии "Иосиф и его братья", вернула ее со словами: "Ну вот, теперь хоть знаешь, как все было на самом деле". "Это была трогательная фраза, - говорит писатель, оглядываясь на тот анекдотический эпизод, - ведь на самом деле ничего этого не было. Точность и конкретность деталей является здесь лишь обманчивой иллюзией, игрой, созданной искусством; видимостью"... Заметим, однако, что "видимость" эта разрослась в огромный, как египетская пирамида, труд, который, во многом действительно будучи игрой, не мог, разумеется, в течение пятнадцати лет его написания держаться на одной лишь игре и видимости. Мотор и стержень работы над "Иосифом и его братьями" заключался не только в библейском сюжете, но и в сюжете внутренней жизни самого Томаса Манна, и свое четырехтомное детище он довел до конца, быть может, именно потому, что до некоторой степени играл в Иосифа, проецировал на него свой духовный мир и узнавал собственное призвание в том, как Иосиф своей судьбой примиряет острейшие противоречия мира и человеческой природы. Томас Манн, как и библейский Иосиф, - посредник: между возвышенно-абсолютным и приземленно-конкретным, "честью духа" и "честью плоти", "мирами смерти и жизни", как сам автор тетралогии определил писательскую задачу. Отражение в духовных авторитетах прошлого - любимое занятие Томаса Манна, которому он с безудержной изобретательностью и энтузиазмом предавался в своих произведениях.

Эта игра с отражениями разворачивается не только между романом и его автором. Она продолжается и в самой четырехчастной эпопее, представляющей собой огромную систему полупрозрачных зеркал, в которых и сквозь которые видят себя персонажи "Иосифа и его братьев". Так Иосиф воспринимает своего слугу и учителя Елиезера, сливающегося своими свойствами и жизненными историями со слугой Авраама, и смотрит сквозь него "в бесконечную перспективу Елиезеров, которые все устами Старшего Раба говорят "я". Так или почти так же видит он прообраз собственной судьбы и предназначения в разных религиях и сказаниях прошлого, отражаясь в древневосточном Таммузе, египетском Озирисе, греческом Гермесе и, наконец, в своем дальнем, в буквальном смысле допотопном предке Енохе, о котором и говорится в представленном здесь фрагменте - главе из раздела "Иосиф и Вениамин" второго тома тетралогии.

Этот раздел повествует о тех историях, которыми Иосиф потрясал воображение своего младшего брата, и предшествует рассказу о снах прекрасного, сыгравших в его судьбе столь роковую роль. Начало публикуемого текста, которое приведено в переводе С. Апта, совпадает с началом главы "Небесный сон" - там Иосиф рассказывает о сне, в котором он был вознесен на небо. Однако, согласно Книге Бытия, на небо был вознесен Енох, поэтому он вместе с пророком Илией почитается в христианской традиции как предвощение "восшедшего на небеса" Христа. Таким образом, глава "Отрок Енох" перекрещивалась с "Небесным сном" и по-своему дублировала его. Быть может, именно из-за этого Манн не включил главу про Еноха в книжное издание романа, несмотря на то, что без нее остался неразъясненным один из первых же эпизодов книги.

Тем не менее в год выхода "Юного Иосифа" (1934) Томас Манн опубликовал "Отрока Еноха" как отдельную новеллу в еврейском журнале "Der Morgen", и с тех пор глава неоднократно включалась в немецкие собрания и сборники произведений писателя то как приложение к "Иосифу и его братьям", то в качестве самостоятельного новеллистического фрагмента.

Будучи изъятой из целого тетралогии, эта глава становится своеобразным увеличительным стеклом, сквозь которое можно исследовать технику работы Томаса Манна над "Иосифом и его братьями", принцип обращения писателя с библейским

материалом. Первое, что здесь бросается в глаза, это обилие сведений о Енохе, которые содержит манновский рассказ, притом что в Книге Бытия допотопному праотцу отведено всего четыре стиха. На первый взгляд может показаться, что все это домыслено воображением писателя или буквально высосано из четырех библейских стихов, как, например, факт физической привлекательности Еноха, который Манн с юмористическим буквализмом выводит из одного-единственного глагола Писания ("Ханок снискал милость в глазах всех, кто его "видел", а не, к примеру, "слышал"). Всякого рода талмудической игры и даже пародии на Талмуд в романе действительно предостаточно, так что, по словам самого Томаса Манна, многие места "Иосифа и его братьев" "весьма напоминают толкование и комментарий Пятикнижия Моисеева - написанный каким-нибудь ученым раввином мидраш". Однако для того, чтобы играть материалом и шутить с ним, нужно владеть этим материалом в совсем нешуточном объеме. Манновскими источниками были, разумеется, не только Библия, но и множество исследований, комментариев и апокрифов, среди которых, судя по представленной здесь главе, находилась и древнееврейская апокрифическая "Книга Еноха". Ее основой является относящийся к кумранским рукописям текст II века до н. э. Эту книгу, согласно легенде, в назидание передал людям вознесенный на небо Енох, ставший там регистратором добрых и дурных человеческих дел. По содержанию "Книга Еноха" представляет собой довольно пеструю картину: здесь и предсказание будущего и "всех его десяти циклов вплоть до правления безбожных", "книга ангелов", где повествуется о грехопадении посланцев неба, спускавшихся к дочерям Земли, и астрономический раздел, где говорится о круговороте небесных светил, читатель, я думаю, без труда сможет найти его отражение во фрагменте "Отрок Енох".

По-видимому, весь этот массив апокрифических текстов был подключен к работе над "Иосифом и его братьями", а подключившись, стал оказывать собственное давление на роман, так что писатель в конце концов изъяс уже готовую главу из своего детища.

Однако фрагмент этот все равно остается организованным и законченным манновским текстом и вновь напоминает нам о том эксперименте, на который решился писатель, пересказав на полтора тысячах страниц историю Иосифа, эксперименте далеко не первом и не последнем, но, быть может, самом смелом и впечатляющем в ряду обращений литературы к той энциклопедии отношений человека с Богом, которая зовется Библией.

Тогда братья еще не называли его "Сновидцем", но вскоре дело дошло до этого. Если они пока называли его только "Утнапиштим" и "Читатель камней", то добродушие этих, бранных по замыслу, кличек объясняется только недостатком у молодых людей изобретательности и воображенья. Они бы с удовольствием дали ему более ехидные прозвища, но им ничего не приходило в голову, и поэтому они обрадовались, когда представился случай прозвать его "Сновидцем", что звучало уже все-таки ехиднее. Но этот день еще не настал; болтливое изложение сна о погоде, которым он утешил отца, оказалось недостаточно, чтобы обратить их внимание на это его дерзкое свойство, а об остальных снах, давно уже посещавших его, он им покамест еще не говорил. Самых разительных снов он им вообще так и не рассказал, ни им, ни отцу. Те, что он им, на беду свою, рассказал, были еще сравнительно скромными. Зато уж Вениамину все выкладывалось; в часы откровенности тому случалось выслушивать и вовсе нескромные сны, умалчивать о которых вообще-то у Иосифа хватало сдержанности. Нечего и говорить, что малыш, будучи любопытен, выслушивал их с живейшим удовольствием и даже порой выпытывал. Но и без того, уже несколько омраченный смутными тайнами мирта, на него взваленными, он не мог, слушая брата, избавиться от чувства боязливой подавленности, которое приписывал своей незрелости и тем самым старался преодолеть, - напрасно, ибо для него имелось слишком много объективных оснований; он, пожалуй, вправе был дать ему место в своей душе и довериться тревоге,

которая никак не могла угрожать его восхищению братом и лишь нежнее привязывала к нему.

Поскольку речь здесь идет о прозвищах, следует сказать, что Иосиф наедине с самим собою, втихомолку и по секрету от всех дал себе еще одно, которое, правда, уж никак не назовешь бранной кличкой. Он называл себя Енохом. Но почему и с какой стати? От нас не укрылось волнение, охватившее его, когда вечером у колодца между отцом и сыном зашла речь об этой фигуре ранних времен, Енохе, или Ханоке, сыне Иареда и прадеде Ноя, которого Бог возлюбил за его необычайное благочестие и ум и забрал к Себе. Отчего же эта перемена, эти замешательство и бледность? Именно оттого, что он находился с личностью Еноха в неких игровых, никому другому не ведомых отношениях, в воображении отождествлял себя с ним и целыми днями мог разыгрывать перед самим собою, будто бы он и есть Ханок, - известная забава склонных к тайным мечтаниям детей и подростков с богатой фантазией. В один прекрасный день они с радостью осознают, что никто не в силах лишить их возможности - никто даже не заподозрит о ней - быть не самими собою, а тем-то и тем-то: богатым купцом, кронпринцем, мудрым гномом или волшебником, человеком невероятной физической силы и тому подобное. Преимущества этого развлечения самые разнообразные; здесь не требуется никаких декораций, потаенному лицедейству и перевоплощению не страшны даже объективные требования жизни и повседневности; забава может быть продолжена при любых обстоятельствах и потому вместе с блаженством тайны она дарит и чувство тихо торжествующей независимости от реального.

Итак, Иосиф играл в Еноха, и это было бы, как уже сказано, вполне допустимо, не будь он если и не слишком великовозрастным, то все же достаточно взрослым для этого. Когда речь идет о семнадцатилетнем, притом отличающемся прямо-таки необыкновенной духовной зрелостью, такое ребячество следует назвать чересчур затянувшимся. В нем нет уже прежней радостной невинности, зато появляется фанатизм мечтателя; игра становится серьезной, не переставая при этом быть игрою, - от такого сочетания захватывает дух, чем, пожалуй, можно объяснить и те "замешательство и бледность", которые мы наблюдали. Для Иакова они остались незамеченными. Он ничего не знал о взволнованном отношении Иосифа к Еноху, сыну Иареда. Никто об этом не знал, кроме Вениамина, направляемого намеками Иосифа, - а лучше бы тот выкладывал ему все прямо и начистоту; на спокойствии малыша это сказало бы благотворнее, чем метод подсказок и нашептываний, который избрал Иосиф, то приоткрывавший брату свои секреты, то снова оставлявший его за их порогом, и который смущал и пугал малыша, хотя, конечно же, это его и захватывало, занимало и совершенно зачаровывало.

Он делал так: он рассказывал Вениамину - только когда тот просил, а малыш снова и снова жаждал этого рассказа, от которого захватывало дух, - о Енохе, причем Иосиф выделял и разрабатывал в нем те черты и жизненные обстоятельства, которые более или менее согласовывались с его собственными, так чтобы можно было воскликнуть: да это же прямо как у Иосифа! - и затем он вдруг по-особому замолкал и округлившимися глазами смотрел на брата, так что тот застывал с разинутым от испуга ртом. Иосифу не стоило большого труда придать тенденциозную окраску отстоявшему так далеко - всего лишь на четыре поколения от Адама - допотопному образу Ханока, поскольку его отчетливость серьезно пострадала от славословий, с которыми к нему обращались дети Авраамовы, а уж молва постаралась нагнать туману, к примеру, когда говорилось, что время его жизни здесь, внизу, составляло триста шестьдесят пять лет. Известно было, что по причине своей необычайной мудрости он долгое время занимал на земле место верховного царя и учителя и осуществлял благословенное правление, снабжая людей благодетельными законами, рецептами блюд и житейскими правилами, сообразованными с особенностями человеческими и климатическими. Он занимался даже обувным ремеслом - ему приписывают это изобретение. Но почему же в таком

случае он назывался отроком? Разумеется, когда-то он был отроком, пусть даже с самого начала отроком очень умным. Казалось, однако, что так его называли всю жизнь и уж по крайней мере - ссызнова с того момента, как Господь счел, что Енох слишком хорош для этого мира, и в огненной колеснице - другие говорили: на крылатом быке или даже в образе такового - забрал к себе. Иосиф тоже называл его отроком Енохом - в полном соответствии с преданием, но столь часто и охотно, что трудно было не заметить, как это обозначение подходит к нему самому.

Могло, кстати, показаться, что царственный отрок Ханок сам и намного раньше того события обнаружил, что слишком хорош для земной жизни; поскольку в течение трехсот шестидесяти пяти лет он все больше и больше отдалялся от людей, все реже достаивал их своими наставлениями, сперва еще показывался им каждый третий день, затем раз в неделю, затем лишь раз в месяц, даже раз в год, так что под конец все прямо-таки изнывали по нему, хотя в то же время боялись его и его присутствие переносили плохо. Каковы же причины этого обособления, этой изоляции, этой все возраставшей экономии своего присутствия и своих появлений? Они заключались, во-первых, в богоугодности, должно быть делавшей Еноха среди того рода человеческого, к которому он принадлежал отверженного, уже осужденного на гибель допотопного человечества, - белой вороной и столь же отчуждавшим, сколь и, в свой черед, отчужденным, предоставленным собственному примеру исключением, и оттого тем более носившей, по-видимому, скорее страдательный, нежели активный характер; иными словами, в богоугодности этой было даже больше сильнейшего пристрастия со стороны Бога, чем исключительного благочестия и нравственной чистоты со стороны Еноха, - а он, говорилось, жизнь вел примерную, в определенные дни не ел ни лука, ни пряностей, ни рыбы, ни мяса, и вообще ничего, в чем течет кровь, утром и вечером живую водой совершал священные омовения в источниках и мольбы свои обращал к Творцу своему.

Другой причиной изоляции были его неслыханные ученость и книгомудрие, которые, впрочем, тесно сочетались с его богобоязненностью и особенно богоугодностью, сплавляясь с нею в мудрость. Да будет известно, что он владел свитком, некогда полученным Адамом из рук ангела Разиеля. Семьдесят два рода наук, делившихся на шестьсот семьдесят символов высших тайн, равно как пятнадцать сотен священных таблиц, к которым не имеют доступа праведники Поднебесной, были сокрыты в этой книге, так что дарованное Адаму знание не только являло собой развернутое посвящение в тайны творения, но и обеспечивало ему полное приятие со стороны Бога и людей и ограждало от любых посягательств зла. Однако, своровав с древа, он лишился этой книги. Дело в том, что пришедшая к нему искушенность не только не приумножила его мудрости, но даже уменьшила ее до такого уровня, который уже и вовсе граничил с глупостью, и как раз свидетельством этого поглупения явилась потеря книги. Прежде, надо заметить, у Адама было и то и другое: сны и смекалка, воображение и остроумие, которые вместе и составляют мудрость. После того же, как он отведал яблока от древа, остроумия у него стало, пожалуй, даже хоть отбавляй, но от снов и воображения не осталось и следа, а вместе с ними исчезла его мудрость. Тем не менее его утешил вестник Разиель: книга, купно с благовонными пряностями, заключена в золотом ларе и хранится в пещере, и тот из детей Адамовых, кто плотью будет невинен и душою кроток, найдет книгу и снова станет обладать как воображением, так и остроумием, то есть всею мудростью.

Таким сыном Адамовым был Енох. Он нашел книгу - через Сифа, Еноса и Малелеила дошла она до него, - и вся его деятельность заключалась отныне в том, чтобы изучать ее и стилем и кисточкой делать из нее выписки. Благодаря этим литературным занятиям он приобщился к духу и к разуму, так что мог разговаривать со всяким человеком, и даже со зверьми земными и небесными, и то, что слетало с его уст, выходило ловко и складно. Мало того что он из месяца в месяц провидел грядущее и чему надлежит свершиться от

заката и до рассвета - все было открыто ему: он мог сказать, предстоит ли голод, бедствие, много или мало будет зерна, ждать ли дождя или засухи, нагрянет ли саранча, или шершни, или другая напасть, останется ли дерево без плодов своих и не найдет ли на людей струпная порча, а также не воцарятся ли на земле безбожники и не настанет ли мор среди человеков и скотов. Но и это еще не все; из книги он научился чародейству, познал тайны и сокровища разума, научился и смиренномудрию, и путеводству, так что отныне ему были открыты все ступени высших сфер, все семь Покоев, и он был способен охватить мыслью все планеты. Да, он мог наблюдать за их ходом, исследовать пути Луны, назвать имя каждого цикла, разбирался в светилах, которые из месяца в месяц поочередно несут свою службу, и доподлинно знал ангелов, что ведают четырьмя временами года. Все это смог он постичь благодаря священному духу книги. Жизнь и смерть, добро и зло знал он как свои пять пальцев. Ему было известно, что может помочь удачному исходу дела, и он проник в тайну часов, минут и мгновений, равно как и в тайну числа всех дней. Надо ли говорить, что он умел толковать сны и видения? Это уж разумелось почти что само собою. Он разбирался в грохотании грома, мог объяснить, что есть сверканье молнии, и основательно постиг учение о временных периодах и величайших годах вплоть до конца мира.

Столь многое можно сказать об ученой мудрости Еноха, которая составляла неразделимое единство с его благочестием. Это единство было бы, однако, неполным без неких других свойств, столь же неотделимых от него, которые являлись зримым выражением богоугодности и были уже, таким образом, телесной природы. Подтверждаются они тем фактом, что отрок Ханок снискал милость в глазах всех, кто его "видел" - ибо таково слово предания, - а не, к примеру, "слышал". В какой мере его притягательность следует отнести за счет этих свойств, а в какой за счет его ума - различить это, очевидно, никогда не представлялось возможным. Должно быть, сам Бог не мог этого различить. И уж во всяком случае, не стоило и думать о том, что его смогли бы когда-нибудь одолеть те, кто возделывает нечестие. От злоумышлявших на него спасся он, и на хребте притеснявших его стопа его. Диво ли, что имя его чтимо и по сей день? Самым поразительным, однако, было то, что речь при всем этом шла об отроке, только лишь о мудром отроке, пусть даже он в этой земной юдоли дорос до трехсот шестидесяти пяти лет. Так Иосиф описывал его Вениамину и, когда были отмечены удивительные и потрясавшие воображение ученость и красноречие, а также зримая богоугодность Еноха, замолкал и округлившимися глазами смотрел на брата, так что Вениамин пугался, в то же время теряясь из-за настоящего нашептывания, которое таилось во взгляде и молчании Иосифа. Тем не менее малыш испытывал потребность в этом испуге и смущении, дорожил ими и не мог наслушаться вдоволь историй об отроке Енохе.

Как вышло, что тот "отдалился" окончательно, - Иосиф особенно не распространялся. Человечество, до того долго изнывавшее по Ханоку, было еще раз призвано пред лице его, и он в последний раз укрепил людей своими наставлениями, среди прочего в том, что касалось обуви, а также рецептов блюд и правил гигиены, сообразно особенностям человеческим и климатическим. Затем он был отнят... О том же, что было дальше, Иосиф не рассказывал.